

ОТКЛИКИ на ПРОЦЕСС БАБЕФА в ГЕРМАНИИ

Французский ежегодник 1960

М.: Наука. 1961. С.121-135.

Веб-публикация: библиотека *Vive Liberta*, 2010

Все материалы о Бабефе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

Другая размещенная у нас работа Ю.Мошковской –

«Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера»

http://enlightment2005.narod.ru/papers/forster_mochkovskaya.pdf

Рекомендуемые к теме материалы:

Е.Волгина. Идеологическая борьба в немецкой публицистике

периода Великой французской революции <http://vive-liberta.narod.ru/journal/Lit2.pdf>

К.Добролюбский. Термидорианская реакция и общественное настроение

в Париже во время Термидорианской реакции по наблюдениям немцев-очевидцев

http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf

С.Искюль. Революция в освещении Геттингенского «Revolutions—Almanach»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/iskul_allem.pdf

Великая Французская революция 1789 года вызвала у многих немецких современников горячее сочувствие, более того, энтузиазм. Даже в 1792 г., после объявления революционной Францией войны Германской империи, почти вся немецкая передовая буржуазия и интеллигенция были настроены оппозиционно по отношению к своим властям и ждали прихода революционной армии.

Особенно горячо приветствовали Французскую революцию в Гамбурге. В ту пору Гамбург был крупным европейским портом, одним из важнейших портов мира. После же завоевания Голландии французами в 1794—1795 гг. Гамбург стал первым торговым центром Германии и важнейшим портом империи, через который шел экспорт во Францию и Англию.

Представители видных торговых и транспортных фирм Гамбурга не только поддерживали деловые связи с Францией, но подолгу жили в Париже, хорошо знали французскую литературу, были знакомы с французскими писателями и политическими деятелями. Гамбургская буржуазия, более мощная экономически, с более развитым классовым самосознанием, чем буржуазия других немецких государств, сочувствовала стремлению третьего сословия во Франции взять власть в свои руки. Вокруг богатого гамбургского купца Георга Генриха Зивекинга образовался кружок франко-германского сближения, куда входили просвещенные гамбургские бюргеры и передовые литераторы. В «Journal des Patriotes» Бриссо появлялись корреспонденции из Гамбурга, в которых сообщалось о деятельности этого кружка. 14 июля 1790 г. в загородном доме Зивекинга была торжественно отпразднована первая годовщина взятия Бастилии. Присутствовало 80 человек, в том числе много иностранцев. Клопшток, которого называли Мильтоном Германии, пришел в фригийском колпаке и читал оды, посвященные революции. Праздник был описан в «Journal de Paris».

Широкое знакомство гамбургской буржуазии с политическими и социальными идеями партийных группировок во Франции вызвало недовольство прусских и имперских властей. Их представители в Гамбурге не щадили красок при описании революционных настроений вольнолюбивого города. Так, прусский резидент в Гамбурге фон Гёхгаузен сообщал своему правительству 18 декабря 1792 г. и 31 января 1793 г., что в Гамбурге имеется несколько якобинских клубов, а число живущих в Гамбурге и Альтоне (пригород Гамбурга) якобинцев достигает нескольких тысяч;

что к ним принадлежат и некоторые почтенные купцы, профессора и такие писатели, как Клошток; что в Гамбурге имеются даже собственные Мараты и Робеспьеры¹. Это было преувеличено, так как Маратов и Робеспьеров среди гамбургских купцов не было, но сочувствие к жирондистской Франции, несомненно, существовало.

Так, в ноябре 1792 г. Клошток писал из Гамбурга французскому министру жирондисту Ролану, что войну против Франции он считает несправедливой, выражал свою благодарность Конвенту за принятие его во французское гражданство и говорил, что он испытывает «счастье и наслаждение» (*bonheur et volupté*) быть французским гражданином².

Однако вскоре настроение большинства немецкой интеллигенции изменилось под влиянием страха перед развернувшимися революционными событиями как во Франции, так и внутри империи, а также в результате цензурных и полицейских мер, принятых контрреволюционной коалицией в период ее борьбы с революционной Францией. И все же немало было и таких передовых людей в Германии, которые продолжали симпатизировать революции во Франции, видя в ней осуществление справедливости и равенства людей на земле. Таковыми были не только Георг Форстер, Евлогий Шнейдер, майнцские и страсбургские клубисты, но и Кант, Фихте, Кампе и многие другие. Все же в 1793 г. писать в Германии о событиях во Франции было трудно. Немецкие прирейнские государства были заняты французами; имперские и прусские земли находились в состоянии войны с Францией, и лишь северные ганзейские города продолжали считать себя нейтральными и поддерживали связь с Францией. Гамбургский Сенат не желал влутываться в имперскую войну против Франции. Портовому городу выгодно было сохранить нейтралитет и продолжать торговлю с Францией. Сенат полностью поддерживал идею вооруженного нейтралитета, сформулированную еще 28 февраля 1780 г. в декларации Екатерины II, согласно которой Гамбург имел право вести торговлю с врагом империи, за исключением товаров военного значения.

После казни Людовика XVI в феврале 1793 г. ганноверское и прусское правительства обратились к гамбургскому Сенату с требованием изгнать французского резидента Лехока, угрожая, в случае невыполнения этого требования, занять Гамбург прусскими войсками; Лехок вынужден был выехать из Гамбурга на американском корабле. В кружке Зивекинга сочувствие было на стороне французского резидента. Зивекинг при поддержке своего друга журналиста Пёля выпустил брошюру «К моим согражданам» с разъяснением прискорбного события.

После Базельского мира, подписанного 5 апреля 1795 г., французское правительство в лице Директории приняло решение о восстановлении отношений с ганзейскими городами, и в первую очередь с Гамбургом. Французское правительство решило направить в Гамбург Карла Рейнгарда, вюртембергца по происхождению, находившегося с 1792 г. на дипломатической службе Французской республики. Рейнгард приехал в Гамбург 28 сентября 1795 г. вместе со своим секретарем Георгом Кернером, также вюртембергером, проживавшим несколько лет в Париже, публицистом, близким к жирондистским кругам. Рейнгард был хорошо известен в Германии как переводчик Канта на французский язык, был связан с кружком Зивекинга, поэтому в Гамбурге его приняли как близкого человека. Но приезд Рейнгарда в Гамбург вызвал острый конфликт между Сенатом и императором; император требовал, чтобы Сенат не признавал полномо-

¹ A. Wohlwill. Aus drei Jahrhunderten der Hamburgischen Geschichte (1648—1888). Hamburg, 1897, S. 99.

² Цит. по: «Quellen zur Geschichte des Rheinlandes im Zeitalter der französischen Revolution», Bd. II. Hrsg. von J. Hansen. Bonn, 1933, S. 590.

чий Рейнгарда. Директория же настаивала на своем. В то время в Гамбурге вышла большая публицистическая литература, посвященная этому конфликту. Для урегулирования отношений между Францией и Германией Сенат послал в Париж Зивекинга. Ему удалось добиться у Директории отказа от требования официального признания французского посланника Сенатом, но за это Гамбург должен был выплатить Директории очередную компенсацию.

Во время пребывания Зивекинга во Франции особенно важную роль играла гамбургская пресса; нужно было пробудить интерес и симпатию общественного мнения Гамбурга, гамбургской буржуазии и интеллигенции к правящим кругам термидорианской Франции. Основанные в то время журналы «Frankreich» и «Minerva» ставили своей целью ознакомить публику с внутренними событиями термидорианской Франции. Журнал «Frankreich» начал выходить с 1795 г. (четыре книги в год) под заглавием: «Frankreich im Jahr 1795 [и так до 1802 г.]. Aus den Briefen deutscher Männer in Paris». Место издания — Альтона. Его фактическим основателем был Георг Зивекинг, но редакторами-издателями числились его друзья Петер Пёль и Иоганн Фридрих Рейхардт — прусский композитор и друг Гёте, поклонник идей, вдохновлявших Французскую революцию на первом ее этапе. Понятно, что к 1795 г. и Рейхардт и Пёль, сторонники франко-гамбургского сближения, восторженно писали о Директории и о новой конституции 1795 года. Сотрудниками их журнала были не немцы, жившие в Париже, а в основном французы, реакционные термидорианские писатели и влиятельные политические деятели периода Директории, которых Зивекинг, находясь в Париже, привлек к работе в своем журнале. Среди них был Эдм Куртуа, разбогатевший во время революции на спекуляциях хлебом, в дальнейшем участник термидорианского переворота и, естественно, ярый враг Робеспьера, но ему удалось после термидора завладеть архивом Робеспьера и затем издать эти материалы в фальсифицированном виде; сотрудничал в журнале и Лазретель-младший, адвокат, бывший фельдан, секретарь герцога Ларошфуко, после термидора типичный представитель разложившейся «золотой молодежи»; были и другие публицисты, менее видные, также из числа термидорианцев.

Другим журналом, который играл, пожалуй, еще большую роль и который получил большее распространение в других немецких государствах, был журнал «Minerva». Редактором и издателем его был Иоганн Вильгельм Архенгольц, бывший прусский офицер, видный историк и журналист. Его журнал, как утверждала *Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung*, был лучшим периодическим изданием Германии наряду с журналом известного геттингенского историка Шлёцера «*Staatsanzeigen*»; в 90-х годах XVIII в. он имел 3 тысячи подписчиков³ — рекордное число для того времени. По своему воздействию на широкие круги немецкой интеллигенции это был, несомненно, самый значительный политический журнал тех лет. Архенгольц с 1787 г. поселился в Гамбурге, в городе, в котором было больше политической свободы, чем в других немецких государствах, и где можно было поддерживать более тесные связи с другими странами. Это позволило Архенгольцу иметь своих корреспондентов в Лондоне, Париже и других городах.

Летом 1791 г. Архенгольц был в Париже. Здесь он сошелся с группой немецких эмигрантов, сочувствовавших революции — с Карлом Рейнгардом, Эльснером, Георгом Кёрнером, графом Шлабрендорфом, а также

³ F. Ruof, Johann Wilhelm von Archenholtz. Ein deutscher Schriftsteller zur Zeit der französischen Revolution und Napoleons (1741—1812). Berlin, 1915, S. 129.

с некоторыми французскими писателями, например с Луи Мерсье, автором «Tableaux de Paris», и с Анри Мейстером: оба они стали сотрудничать в журнале «Minerva». В корреспонденциях журнала широко отражалась бурная политическая жизнь Франции тех лет. Из статей Эльснера немецкие читатели «Minerva» могли получить представление о борьбе партий в Париже, о деятельности политических клубов, о новых социальных идеях, выдвинутых «Социальным кружком». Георг Форстер писал из Парижа, что «лучшие статьи в «Minerva» принадлежат перу Эльснера»⁴. После смерти Эльснера его друг Варнгаген ф. Энзе писал, что в сочинениях графа Сен-Симона имеются целые страницы, написанные им⁵.

Живя в Париже, Архенгольд посещал заседания Национального собрания, внимательно следил за жизнью Якобинского клуба и рассказывал обо всем этом в своих статьях в «Minerva». Журнал стал выходить в Гамбурге с конца 1792 г. Архенгольд стремился превратить журнал в своего рода исторический архив, в котором бы публиковались подлинные документы, отражавшие основные события его времени; кроме того, он предполагал перепечатывать в своем журнале маленькие, но ценные статьи, которые проходили незаметно в специальных и малораспространенных журналах за границей. Так, он перепечатал в книге первой за 1797 г. статью Франклина «Увеличение заработной платы в Европе как результат благосостояния Америки», которая вышла в марте 1797 г. в «Journal d'Economie publique, de Morale et de Politique». Сам Архенгольд написал большую статью о Яне Собесском, учитывая интерес передовых представителей европейского общества к трагической судьбе польского народа. Небезынтересно отметить, что эта статья Архенгольца была использована Шиллером в его последней незаконченной трагедии «Дмитрий». Шиллер высоко ценил Архенгольца как историка, владевшего, по его мнению, искусством поражать воображение читателя. Он советовал ему воссоздать картину войны американских колоний за независимость. «В новейшей истории я не знаю ничего, что могло бы быть столь притягательным для хорошего мастера; ведь Французская революция пока еще недостаточно созрела для того, чтобы служить материалом для исторического искусства»⁶, — писал Шиллер. Но, конечно, именно Французская революция и все события, связанные с Францией, стояли в центре внимания журнала. Понятно, что с 1792 г. журнал не раз менял свое направление.

Первые революционные события вызвали восторг Архенгольца, в 1790 г. он считал книгу Бёрка контрреволюционной. Но диктатуру якобинской партии он не принял и после казни Людовика XVI называл якобинцев «западными гуннами». Любопытно все-таки другое: к эмигрантам, занимавшимся интригами против революционного правительства, он всегда относился отрицательно. Даже в 1797 г., когда он поддерживал Директорию и печатал статьи реакционных термидорианцев, он все же писал, что «у людей, которые ненавидят великое и благородное дело свободы французов из-за последующих ужасов, жалкая логика»⁷. Но, конечно, с 1796 г. тематика журнала становится определенно «термидорианской». Журнал публикует воспоминания лиц, уцелевших после якобинской диктатуры, рассказы людей старого порядка, переживших революцию, сенсационные статьи о семье Бурбонов (с указанием местожительства оставшихся в живых членов этой королевской семьи), о судь-

⁴ G. Forster. Sämtliche Schriften, hrsg. von seiner Tochter, Bd. IX. Leipzig, 1847, S. 26.

⁵ «Briefwechsel zwischen Varnhagen von Ense und Konrad Engelbert Oelsner nebst Briefen von Rahel», Bd. I. Hrsg. von L. Assing. Stuttgart, 1869, S. VIII.

⁶ Цит. по: E. Ruoff. Johann Wilhelm von Archenholtz, S. 75—76.

⁷ «Minerva», 1797, Bd. IV, S. 284.

бе священников, высланных во время революции из Франции, и тому подобные материалы, рассчитанные на удовлетворение любопытства широкой публики, сочувствовавшей жертвам революции. Статьи Малле-дю-Пана и Куртуа о Французской революции и событиях 9 термидора представляют собой попытку осмыслить эти события с контрреволюционной точки зрения. Наряду с этим появляются хвалебные статьи Фонтана о конституции 1795 года и о современном «умеренном» режиме во Франции, статьи Лакретеля, которого Директория назначила историографом Французской республики. В третьей книге за 1797 г. следует отметить любопытную статью Архенгольца «О надеждах французских роялистов». Архенголец не сочувствует роялистам и оценивает их шансы не очень высоко, но замечает, что в английской прессе часто упоминают историю Карла II и поэтому допускают возможность возвращения Бурбонов.

В 1796 г. в журнале появляются статьи, в которых говорится о левой оппозиции Директории, о заговорах якобинцев, стремящихся восстановить робеспьеровский режим. В этой связи упоминается и заговор Гракха Бабефа. В дальнейшем процесс Бабефа и его товарищей привлек внимание журнала и получил довольно полное отражение на его страницах.

Уже в июльском номере «*Minerva*» за 1796 г. напечатаны документы, относящиеся к истории заговора во Франции, в том числе воззвания, найденные при обыске у Бабефа⁸. Эти воззвания призывали народ выступить против преступного правительства Директории. В них указывалась и цель восстания: «восстановление конституции 1793 г., свободы, равенства и всеобщего счастья». Участники заговора требовали раздела имущества эмигрантов и врагов народа между защитниками отечества и обездоленными, бесплатной выдачи всех заложенных в ломбарде вещей, охраны общественной и частной собственности народом. 10 мая на допросе у министра полиции Бабеф подтвердил, как это отмечалось в статье, опубликованной в журнале «*Minerva*», что он выступал за восстановление конституции 1793 года и был связан со всеми демократами республики⁹.

В августе 1796 г. «*Minerva*» вновь опубликовала документы, касающиеся заговора Бабефа, а именно мемуар Бабефа, представленный исполнительному совету Директории. В этом мемуаре Бабеф говорит о том влиянии, которое он имеет как верный представитель широких масс угнетенных и обездоленных. Он допускает, что сегодня его могут уничтожить, но завтра его будут прославлять подобно Робеспьеру, и его гибель приведет в ярость всех демократов Франции. «Освободиться от санкюлотов вы не сможете»¹⁰, — были его слова. Но поднимая на щит Робеспьера, Бабеф все же указывает, что его партия не желает крови и не хочет идти путем Робеспьера, она требует лишь создания народного правительства. «Патриоты ненавидят не вас, а ваши антинародные действия»¹¹.

Какое большое значение придавал Архенголец делу Бабефа, видно из того, что в том же номере он уделил 20 страниц речи Бабефа на допросе у обвинителя Жерара, а в конце приложил краткую биографию Бабефа, заметив, что читателям должно быть интересно познакомиться с тем, кто играл такую видную роль в заговоре, составляющем эпоху в революции. На допросе у Жерара Бабеф заявил: «Партия, с которой я связан как политический писатель, хотела установить чистую и истинную демократию. В конце она установила связь с другой партией, состоявшей из бывших членов Конвента, у которой были те же цели». Далее он прибавил, что «народные писатели — только толкователи народных чаяний, только

⁸ «*Minerva*», 1796, Bd. III, S. 162—179.

⁹ *Ibid.*, S. 163.

¹⁰ *Ibid.*, S. 291—294.

¹¹ *Ibid.*, S. 297—298.

выразители народного недовольства, и без таких вождей нельзя организовать народное восстание»¹².

Краткая биография Бабефа, перепечатанная из французской прессы, была составлена французским корреспондентом из города Руа, где в 1777—1780 гг. жил и работал Бабеф, и полна злобных выпадов по адресу Бабефа.

В июльском номере 1797 г. редакция поместила прощальное письмо Бабефа к жене и детям перед казнью, написанное им 24 мая 1797 г.¹³ Интересно, что, публикуя это знаменитое письмо Бабефа, в котором он называет себя мучеником свободы и пишет о своей добродетели и чистой совести, редакция журнала сообщила, что жена Бабефа дала напечатать это письмо в «*Journal des Hommes libres*», а издатель этой газеты Дюваль устроил подписку для семьи Бабефа.

Надо сказать, что французские статьи, посвященные процессу Бабефа и перепечатанные в журнале «*Minerva*», носили далеко не такой спокойный и объективный характер. В сентябрьском номере журнала за 1796 г. напечатана статья Лакретеля, исполненная страха перед возможным народным восстанием, имеющим целью опрокинуть все устои. «Мы стоим на вулкане и не знаем, когда и где он извергнет свою лаву, чтобы затопить всю землю»¹⁴.

Во время процесса Лакретель писал (и его статья приводится в «*Minerva*»), что «во Франции заговор Бабефа был единственным за последние семь лет, который достоин занять ум историка-философа»¹⁵. Нищета не только не помеха для заговора, утверждает Лакретель, но служит толчком к осуществлению всего плана, который сводится к тому, чтобы посредством разграбления частной собственности прийти к общественной собственности. Лакретель повторяет вслед за Бабефом, что в заговоре были две партии: та, которую основали Жермен, Буонарроти и Бабеф, и та, в которую входили бывшие члены Конвента. После победы, предполагает Лакретель, между ними произошел бы раскол. Но пока Бабеф с энтузиазмом превозносит Робеспьера и на устах у него слова Сен-Жюста. Лакретель цитирует письмо Бабефа к эбертисту Бодсону, в котором Бабеф не осуждает Робеспьера за его борьбу с эбертистами, поскольку Робеспьер сметал с пути все препятствия, даже если их воздвигала его же собственная партия. «Мы оба могли стать жертвами Робеспьера, но какое это имеет значение, если это нужно для общественного блага»,¹⁶ — писал Бабеф. Несмотря на то, что по адресу Бабефа и его товарищей Лакретелем и другими журналистами было сказано немало слов, дышащих ненавистью и злобой и продиктованных страхом перед революцией, все же приведенные речи Бабефа и других участников заговора, письма и мемуары Бабефа, цитаты из его статей давали представление о том существенном и возвышенном, что несло с собой социальное учение Бабефа для обездоленных народных масс.

Журнал «*Frankreich. Aus den Briefen teutscher Männer in Paris*» за 1796 и 1797 гг., редактировавшийся такими почитателями Французской революции, как Рейхардт и Пёль, раскрыл глубже, чем журнал «*Minerva*», картину заговора Бабефа и социальную сущность его учения.

В первой же статье, посвященной Бабефу, анонимный немецкий автор отмечает незаурядный талант Бабефа и утверждает, что «одно имя этого яacobинского героя — Гракх — и название его газеты «Трибун народа»

¹² «*Minerva*», 1796, Bd. III, S. 310—311, 313—314.

¹³ «*Minerva*», 1797, Bd. III, S. 125—131.

¹⁴ «*Minerva*», 1796, Bd. IV, S. 122.

¹⁵ «*Minerva*», 1797, Bd. I, S. 528.

¹⁶ *Ibid.*, S. 530—531.

(«Tribun du Peuple») — уже говорят о той задаче, которую он себе наметил»¹⁷. Автор рассказывает и о политической ориентации Бабефа после 9 термидора, когда видные члены термидорианского Конвента решили использовать популярность Бабефа и, зная его смелые выступления против политики террора при Робеспьере, хотели принять его в свои ряды, чтобы уничтожить якобинцев в общественном мнении. Но Бабеф быстро понял реакционную сущность термидорианцев и, как пишет автор, «стал фанатичным защитником именно тех принципов, на которые незадолго до этого нападал по своему свободному разумению». В «Tribun du Peuple» указывается, какой должна быть основная линия поведения сторонников учения Бабефа: «Чтобы уничтожить результаты преступления настоящего правительства и воздвигнуть храм истинной справедливости, нам нужно разоблачить преступную деятельность лиц, стоящих ныне у власти, и одновременно привлечь сторонников системы равенства»¹⁸. Бабеф нападает на Директорию, на Совет пятисот и Совет старейшин, он называет их партией богатых, узурпаторами суверенитета народа, в отличие от якобинцев, которые были лишь исполнителями неизбежного сентябрьского террора. Поэтому он призывает народ, простой народ, голодный народ, народ в лохмотьях, идти к трибуналу и защитить арестованных якобинцев. Немецкий автор высоко оценивает и даже преувеличивает влияние и масштабы распространения журнала «Tribun du Peuple»; он полагает, что этот журнал расходился в тысячах экземпляров, возбуждая широкие массы народа против правительства. При чтении Бабефа ему кажется, что вернулись времена Марата и Робеспьера.

И Фонтан в статье «О заговорах Бабефа, Виллернуа и Бротье»¹⁹ тоже согласен с тем, что заговор Бабефа — это дальнейшее развитие того, что проповедовали Марат, Робеспьер, Сен-Жюст и Эбер, которые только в скрытой форме говорили о разделе земель и общинных угодий, у Бабефа же это основной пункт его учения. Фонтан признает логику, жизненность и силу заговора Бабефа; он считает участников заговора хорошими организаторами и агитаторами, энтузиастами, которые думают исключительно о народных интересах. О Бабефе он пишет, что это человек из низших классов, обладающий огромной волей, смелостью и упорством. Его писания убедительны для народа, потому что он всегда проповедовал равенство состояний и раздел земель (аграрный закон). Фонтан показывает, что учение Бабефа выросло из большой идейной традиции. Бабеф не только «ученик Робеспьера, он опирается на мысли Мабли, Руссо и Дидро, и его выводы из их принципов, из этих представлений о собственности, как источнике всех бед на земле, вполне логичны»²⁰.

В своей защитительной речи Бабеф прямо говорил, и это было воспроизведено в журнале²¹, что его система всеобщего счастья опирается на принципы Мабли, Руссо и Дидро²², что «Манифест равных» списан с Мабли и с «Кодекса природы».

Вслед за Бабефом и официальный защитник Бабефа Реаль показал, что Бабеф, говоря о всеобщем счастье, имел в виду систему, которую «признавали еще Платон, Христос, Томас Мор, а в XVIII в. Руссо, Дидро и многие другие философы»²³.

¹⁷ «Frankreich im Jahr 1796», Altona, 1796, Bd. I, S. 259.

¹⁸ Ibid., S. 259—260.

¹⁹ «Frankreich im Jahr 1797», S. 319—334.

²⁰ Ibid., S. 322.

²¹ Ibid., S. 250—255.

²² Бабеф имел в виду «Кодекс природы» Морелли, в то время автором его считали Дидро.

²³ «Frankreich im Jahr 1797», S. 356.

Но Фонтан показывает, что учение Бабефа носит не только умозрительный характер; в нем заложена огромная революционная действенная сила, направленная против существующего общества; он не просто философ и мечтатель, он активный революционер, который не скрывает своего желания вызвать гражданскую войну. Фонтан признает, что во все времена и везде голодающие народные низы питают тайную злобу к тем немногим, которые наслаждаются своим богатством. Вот к этим обездоленным и угнетенным нуждой людям и обращается Бабеф, угрожая буржуазному обществу²⁴.

Сам процесс изложен в этом журнале более объективно и в более спокойном тоне, чем в журнале «*Minerva*». Можно отметить даже некоторое сочувствие к подсудимым. Так, по поводу трехчасовой речи Бабефа на первом заседании суда 19 февраля 1797 г. корреспондент «*Frankreich im Jahr 1797*» считал нужным сообщить, что «при всей многоречивости и слабости его защиты в нем чувствуется человек сильного ума и большого духовного богатства»²⁵. Тот же корреспондент должен был признать, что и речь ближайшего товарища Бабефа Буонарроти произвела огромное впечатление на аудиторию; не меньший успех выпал на долю подсудимых Вадье и Амара, которые восхваляли правительство Робеспьера и доказывали, что все мероприятия периода якобинской диктатуры носили народный характер: народ этого хотел и народ так делал, и в этом была сила конституции 1793 года²⁶.

В общем и целом можно сказать, что десять статей в журнале «*Minerva*» и шесть статей в журнале «*Frankreich*» за 1796—1797 гг. могли дать немецкому читателю представление об основных положениях социального учения Бабефа и раскрыть перед ним мужественную попытку бабувистов сбросить «термидорианскую шайку», задушившую революцию 1793 г. во Франции. Эти статьи не могли не возбудить интереса передовых представителей немецкого народа того времени к процессу группы французских революционеров, которые, по выражению Бабефа, рассматривали «коммунизм как цель, а робеспьеровскую политику 1793 г. как средство».

Среди тех, кто не мог пройти мимо этих статей, кому они послужили толчком для выражения своих заветнейших мыслей, был, несомненно, выдающийся немецкий философ Фихте. Прямого указания на знакомство Фихте с Бабефом мы в его произведениях и письмах не находим. Да этого и нельзя было бы ожидать в условиях Германии того времени. Тем не менее мы можем утверждать, что если Фихте нарисовал картину будущего «государства разума» в своем трактате «Замкнутое торговое государство» («*Der geschlossene Handelsstaat*»), то немалое влияние оказало на него чтение этих статей, а также предшествовавшее углубленное знакомство Фихте как с французской социальной литературой XVIII в., так и с практикой якобинской диктатуры. Некоторые подробности этого периода жизни Фихте и само содержание трактата как будто подтверждают это предположение. Впрочем, эта мысль не нова, она встречается в литературе о Фихте. Впервые на связь Бабефа и Фихте указала Марианна Вебер еще в 1900 г.²⁷ «Единственным настоящим предшественником Фихте,— пишет она,— является Бабеф; так как в технических деталях имеются аналогии, то не исключено, что Фихте знал о «Заговоре равных» и был знаком с коммунистическими теориями Бабефа»²⁸.

²⁴ «*Frankreich im Jahr 1797*», S. 324—325.

²⁵ *Ibid.*, S. 138.

²⁶ *Ibid.*, S. 347.

²⁷ M. Weber. Fichte's Sozialismus und sein Verhältnis zur Marx'schen Doktrin. Tübingen, 1900; 2-te Aufl., Tübingen, 1925.

²⁸ M. Weber. Fichte's Sozialismus..., 2-te Aufl., S. 18.

Более подробно останавливается на этом французский исследователь Фихте Ксавье Леон в своей объемистой монографии «Фихте и его время», вышедшей в 1924 г. Он справедливо считает, что в 1793—1794 гг. Фихте чрезвычайно интересовался экономической и социальной политикой якобинцев и внимательно следил за борьбой якобинцев за улучшение материального уровня жизни бедноты, за тем, какую роль во Франции играл продовольственный вопрос, за тем, как там тяжело переносили зависимость страны от внешнего рынка, как отражались требования народных масс, их петиции, их выступления в народных собраниях на политике и законодательстве якобинского правительства. Леон также утверждает, что есть все основания полагать, что Фихте был знаком с идеями Бабефа, когда писал «Замкнутое торговое государство»²⁹.

В то же время и академик А. М. Деборин утверждал, что для Фихте «Заговор равных» послужил толчком к углублению его взглядов³⁰.

Присоединяясь к этой мысли, мы считаем возможным подкрепить ее рядом соображений. Прежде всего обратимся к биографии Фихте.

Фихте, сын бедного деревенского ткача из Силезии, испытавший жестокую пужду в детстве и в годы университетского учения, естественно, сочувствовал обездоленным массам и испытывал ненависть к богатым и привилегированным как к узурпаторам народного благосостояния. Не удивительно, что в 1793 г., когда в Германии оставалось очень мало сторонников Французской революции, якобинская диктатура вызвала у Фихте особый энтузиазм. Живя тогда в Цюрихе, он изучал Руссо, Мабли и Дидро, читал парижские газеты и пристально следил за событиями во Франции; все мероприятия якобинского правительства вызывали у него сочувствие. Его первые работы «О требовании свободы мысли» и «К исправлению суждений публики о Французской революции» написаны совершенно необычным для Германии смелым якобинским языком.

В Цюрихе он был дружен с итальянским якобинцем Горани, там его окружала радикально настроенная молодежь. В одном письме от декабря 1793 г. он писал: «В городе открыто говорят, что мы устроили в имении Отто якобинский клуб»³¹. Он мечтал о новом строе и для Германии и поэтому так жадно присматривался к проявлениям революционного духа в Германии, что видно из следующих строк того же письма: «Так больше не может продолжаться в Германии; я недавно сделал несколько не совсем еще подтвердившихся открытий. В них заложено семя добра; оно всходит и в свое время взойдет. Мы рассуждали о реализации возможностей, и частично они уже реализуются». Несомненно, Фихте имел в виду революционные события на Рейне в октябре — декабре 1792 г., в частности деятельность майнцских клубистов. Во время выступления австро-пруссиков против французской революционной армии на Рейне Фихте был во Франкфурте-на-Майне, откуда он писал жене 12 мая 1794 г.: «Все простые люди любят французов и ненавидят пруссаков и австрийцев»³².

В 1796—1797 гг. журналы «Minerva» и «Frankreich» публикуют серию документов о «Заговоре равных». Ясно, что Фихте не мог не обратить внимания на статьи в этих журналах, редакторы которых к тому же находились в дружеских отношениях с Фихте: у Рейнгарда он часто гостил,

²⁹ X. Leon. Fichte et son temps, t. II. Paris, 1924.

³⁰ «Под знаменем марксизма», 1924, № 10—11, стр. 6.

³¹ «Johann Gottlieb Fichte's Leben und literarischer Briefwechsel», hrsg. von seinem Sohne J. H. Fichte, Th. 1. Sulzbach, 1830, S. 318.

³² Ibid., S. 360.

Архенгольц предлагал ему сотрудничать в его журнале «Minerva». Далее мы отмечаем в биографии Фихте интереснейшую деталь. Вскоре после процесса Бабефа Фихте упорно стремится переселиться в Майнц, т. е. во французский департамент, и с этой целью поддерживает связь с некоторыми деятелями левого берега Рейна. Так, 12 сентября 1798 г. (он датирует письмо 29 фруктидора VI года) он пишет из Иены Юнгу, руководителю комиссии просвещения на службе французского правительства, что почитает политическую свободу и французскую нацию и хотел бы служить великой республике на ниве просвещения³³. Он упорно добивается в это время профессуры в Майнце, о чем пишет тому же Юнгу 10 апреля 1799 г. (письмо датировано им 20 жерминаля VII года). Из этого плана ничего не вышло, так как в Майнце не нашлось подходящей для него кафедры. Фихте остался в Германии, но мысли его устремлялись туда, где была предпринята первая попытка построения нового общества, где продолжалась борьба за социальное равенство людей.

В том же 1799 г. он пишет свой трактат «Замкнутое торговое государство», который сам считал своим лучшим и наиболее продуманным произведением. Обратимся к изложению основных мыслей трактата.

Цель новой организации общества, пишет Фихте, заключается в том, чтобы «человечество жило на земле легко, свободно, господствуя над природой, истинно по-человечески»³⁴, чтобы все люди прежде всего имели возможность сохранить жизнь, чтобы все могли жить приятно и получать то, что каждому принадлежит по праву. Для этой жизни по-человечески надо создать человеческие условия. Эти условия создает государство, в основе которого лежит новое представление о собственности. Основное назначение государства, полагает Фихте, не в том, чтобы охранять собственность, которой владеют немногие, а в том, чтобы каждому гражданину обеспечить собственность, результат его труда. Человек живет в обществе, и все, что природа дает человеку, является собственностью всего общества; у индивида не может быть абсолютного права собственности на вещи. Право собственности индивида распространяется не на вещи, а на деятельность, и первоначальная собственность связана с исключительным правом на свободную деятельность. Так, например, право собственности на пашню представляет собой не право собственности на землю, а исключительное право распоряжаться пашней по своему усмотрению. «Земля — божья, — говорит Фихте, человеку предоставлена только возможность целесообразно ее обработать и использовать»³⁵.

Порядок владения собственностью, по Фихте, является, в сущности, разделением труда, обязанностью же государства является организация труда и распределение благ. Разумное государство Фихте — это царство организованного труда. Само разделение граждан по сословиям соответствует важнейшим категориям экономической деятельности. Так, Фихте различает в своем идеальном государстве три сословия как основные части нации: это, во-первых, производящее сословие — крестьяне; затем сословие, перерабатывающее естественные продукты в промышленные, — это ремесленники, которых Фихте называет художниками (Künstler); и купцы, которые осуществляют обмен продуктов и находятся на жалованье у государства. Кроме того, на жалованье государства состоят чиновники-администраторы, учителя, ученые и военное сословие. Государство определяет, какое число граждан должно входить в каждое сословие. Оно планирует количество всякого рода продуктов, качество этой продукции, уста-

³³ J. G. Fichte. Briefwechsel, hrsg. von H. Schulz, Bd. I. Leipzig, 1925, S. 593.

³⁴ И.-Г. Фихте. Замкнутое торговое государство. Перевод Эссена, вступительная статья В. И. Невского. М., 1923, стр. 60.

³⁵ Там же, стр. 84.

навливают правильные цены на все товары. Государство обязано предусмотреть и неурожайные годы, и избыток товаров, и другие неожиданные обстоятельства. «Если выяснится недостаток в продуктах, то это означает неправильный расчет»³⁶. Отсюда вытекает необходимость тщательного учета как всех граждан в государстве, так и количества продуктов и их распределения. Такая строгая организация общества и регламентация, обеспечивающая всем членам государства равенство материальных благ, а затем и участие в духовной жизни, возможна только внутри замкнутого торгового государства, так как проникновение продуктов и денег в это разумное государство из государств, организованных по другому принципу, неизбежно нарушит равновесие между различными отраслями труда, а также плановость.

Замкнутое торговое государство вводит деньги, имеющие хождение только внутри страны, в количестве, соответствующем производимым продуктам. Местные деньги должны быть бумажными; золото и серебро не имеют хождения. Иностранная валюта («мировые деньги», по терминологии Фихте) имеются только в распоряжении правительства; правительство устанавливает объем торговли с зарубежными странами, а также виды и количество товаров, в которых нуждается страна. Только государство имеет право вести торговлю с заграницей; «на том же основании оно одно имеет право решать вопрос о войне, мире и союзах»³⁷. Отсюда следует также, что «всякое сношение подданных с иностранцами должно быть категорически запрещено»³⁸. Монополия внешней торговли устанавливается в интересах всего общества в целом. В этой связи Фихте дает острую критику современных ему систем экономического либерализма и меркантилизма. Меркантилизм проявляет любовь к золоту как таковому, поэтому он заинтересован в притоке иностранной валюты в свою страну. «Надо признать,— говорит Фихте,— что, принимая эти меры, правительства заботились больше о сохранении или умножении собираемых ими податей и, через посредство последних, о сохранении и повышении своего военного могущества перед другими государствами, чем об обеспечении положения своих подданных»³⁹.

Экономический либерализм также ведет к конкуренции, всеобщей войне, эксплуатации сильными государствами слабых и падению нравов. «Борьба торговых интересов является часто истинной причиной тех войн, которым приписывается иной повод»⁴⁰. На рубеже XIX в. в своем радикальном морализме Фихте с исключительной прозорливостью вскрыл все пороки европейской системы колониализма. Он видел, что она аморальна и бесчеловечна, и считал, что она не может быть долговечной. «Европа имеет в торговле большое преимущество перед другими частями света. Она расхищает их силы и продукты, не возвращая им соответствующего эквивалента. Каждое из европейских государств извлекает для себя известную выгоду из этого совместного ограбления всего мира», а потому, полагал он, «отношение, подобное тому, которое существует между Европой и прочим миром, как не покоящееся на праве и справедливости, никак не может удержаться долго»⁴¹. Он указывал на пример Англии и Франции, у которых наблюдается «не совсем естественное стремление к превосходству в мировой торговле и такая же неестественная колониальная система обоих государств»⁴².

³⁶ Там же, стр. 70.

³⁷ Там же, стр. 58.

³⁸ Там же, стр. 57.

³⁹ Там же, стр. 114.

⁴⁰ Там же, стр. 118.

⁴¹ Там же, стр. 24.

⁴² Там же, стр. 137.

Фихте уверен, что первое государство, построенное на разумных принципах равенства и справедливости, так поднимет благосостояние всего народа и будет иметь столь много выгод, что за ним последуют другие народы. Но он допускал, что могут быть и враги нового порядка. Это те, которым «может быть только противную мысль о таком упорядочении общественных отношений, при которых не могут уже больше иметь место ни головокружительные спекуляции, ни случайные барыши, ни внезапные обогащения»⁴³. Но все-таки Фихте полагал, что «значительной эмиграции можно будет опасаться только в начале со стороны тех, которым новый порядок, который один только и является истинным порядком, мог бы показаться тягостным, гнетущим, педантичным. С уходом таких людей государство ничего не потеряет»⁴⁴. Наоборот, Фихте даже ожидал, что в эту замкнутую страну с хорошо развитым сельским хозяйством и фабриками, с процветающими науками и искусством будет приезжать много иностранцев. Поездки за границу из замкнутого торгового государства, как правило, не разрешаются. Отправляться в путешествия могут только ученые и более квалифицированные художники, т. е. мастера, потому что «путешествия совершаются для пользы человечества и государства»⁴⁵.

Наука, естественно, должна играть ведущую роль в этом государстве разума, она получает мировое значение как связующее звено между народами. «Этой связи не уничтожит никакое замкнутое государство»⁴⁶. И когда новый порядок станет всеобщим и между народами воцарится вечный мир, тогда настанет полное равенство между народами, никто не будет думать о подчинении других народов и о том, чтобы стать над ними гегемоном. Наука будет принадлежать всему человечеству: «ни одно государство на земном шаре не будет иметь ни малейшего интереса скрывать от других свои открытия»⁴⁷.

Такое вкратце содержание фихтевского трактата «Замкнутое торговое государство». Для нас важно было подчеркнуть основные мысли этого произведения, которые указывают на тесную связь Фихте с французскими социалистами XVIII в., на его основательное знакомство с событиями Французской революции и свидетельствуют о том, как последовательно и смело применил Фихте в своем государстве будущего такие радикальные декреты якобинской диктатуры, как декреты против спекуляции, декреты о максимумах, о принудительном займе у богатых, вантозские декреты и некоторые другие.

Читая отчеты о процессе Бабефа, напечатанные в немецких журналах, Фихте мог с удовлетворением отметить, что Бабеф и его товарищи раскрывали на суде глубокую правду робеспьеровского режима, его демократический, народный характер. В этом смысле характерно признание Бабефа в его письме к бывшему эбертисту Бодсону от 28 февраля 1796 г.: «Меня теперь возмущает то, что я раньше видел в черном свете революционное правительство Робеспьера, Сен-Жюста и т. д. Эти люди стоили больше, чем все революционеры вместе взятые, и их диктатура была чертовски хорошо продумана»⁴⁸. Бабеф дал теоретическое объяснение экономическим декретам якобинской диктатуры и раскрыл их смысл. «Я даю своим современникам и истории ключ к объяснению большого числа мер, которые казались до сих пор лишь политическими проблемами. Что такое максимум, конфискации. Комиссия продовольствия и снабжения? Это первый акт

⁴³ И.-Г. Фихте. Замкнутое торговое государство, стр. 172.

⁴⁴ Там же, стр. 166.

⁴⁵ Там же, стр. 167.

⁴⁶ Там же, стр. 173.

⁴⁷ Там же, стр. 174.

⁴⁸ Pages choisies de Babeuf, recueillies, commentées par M. Dommanget. Paris, 1935,

перехода всей собственности в руки правительства. Что такое гильотинирование по преимуществу богатых и конфискации под всякими предлогами? Второй акт того же самого»⁴⁹. Бабеф видел заслугу робеспьеристов в том, что они хотели претворить в жизнь мысль Руссо, согласно которой «если правительство хочет быть совершенным, нужно, чтобы все граждане имели достаточно и никто не имел излишнего». Из этого фактического, материального равенства исходит и Фихте. Тут мы видим известную аналогию мысли Фихте и Бабефа.

Возможно, что Фихте воспринял требование, выраженное Бабефом в «манифесте плебеев», об уничтожении частной собственности и передаче всех национальных богатств государству. Бабеф выставляет государство как единственную власть, способную создать справедливую экономическую организацию, как хранителя общественного богатства, регулирующего все стороны общественной жизни. Из такого представления о государстве исходит и Фихте.

Самая идея замкнутого государства, изолирующего своих граждан от иностранных государств, требование государственной организации торговли, введение бумажных денег и запрет металлической валюты — эти положения «замкнутого государства» Фихте были выказаны также Бабефом, и еще раньше мы встречаем их у якобинцев и во французских социальных утопиях XVIII в. Так, Морелли в «Кодексе природы» (1775 г.) предупреждал, что в коммунистическом государстве торговля с иностранными государствами должна производиться на основе обмена и нужно тщательно избегать возможности возникновения в республике какой-нибудь собственности. Еще определеннее об этом писал Мерсье в своей утопии: «У нас существует только внутренняя торговля. Торговля с заграницей была истинной причиной пагубной роскоши, которая привела к невероятному неравенству имущества и отдала в руки немногих все золото нации... Жажда золота овладела всеми сердцами; жадность заняла место умеренности. Вот истинная картина тех преимуществ, которые можно иметь от внешней торговли»⁵⁰. Но и якобинцам не чужда была мысль о частичной изоляции республики, о нежелательности широких торговых связей с заграницей, а также о запрете металлических денег. Об этом говорят краткие записи Сен-Жюста, найденные после его смерти. «Чтобы быть счастливым, — писал он, — нужно как можно больше изолировать себя от заграницы..., никто не должен приобретать земли, основывать банки, иметь корабли в иностранных государствах». И далее он говорит: «Золото и серебро следует запретить»⁵¹.

Что касается Бабефа, то он определенно говорит о необходимости монополии внешней торговли, потому что, писал он, «внешняя торговля относится к политике до тех пор, пока великие принципы равенства и всеобщего братства не станут единственной религией всех народов. Тогда внешняя торговля не будет вредить обществу. Но в период образования нового общества все торговые сношения с соседями должны быть запрещены». В другом месте он снова повторяет: «Всякая частная торговля с иностранными государствами запрещается»⁵².

Вся атмосфера якобинской Франции, проникнутая республиканской добродетелью, патриотическим интересом к общему делу, требованием жертвенности и бескорыстия, так прекрасно описанных Георгом Форестером в «Парижских письмах» (1793 г.), была по душе Фихте и вызывала

⁴⁹ Ibid., p. 180.

⁵⁰ Mercier. L'an deux-mille-quatre-cent-quarante. Rêve s'il en fut jamais. Neuchâtel, 1772, p. 276—278.

⁵¹ Saint-Just. Oeuvres. Paris, 1946, p. 296, 313, 318.

⁵² Pages choisies de Babeuf, p. 210—211, 216.

его восхищение. Подобно санкюлотам Фихте с отвращением относился к частной торговле. Новая экономическая политика якобинцев в отношении кушцов (3-й максимум 30 вантоза 1794 г.) ограничила их прибыль. Бабеф радикальнее якобинцев решал вопрос о внутренней торговле. Он прямо писал, что торговлю, губящую людей, надо уничтожить. Кушцы должны стать только агентами распределения продукции, идущей в общественные магазины. Эти положения могли в известной мере повлиять на Фихте.

Пожалуй, этого достаточно, чтобы сказать, что в пору написания «Замкнутого торгового государства» Фихте был близок к идеям Бабефа. Размышляя над проблемами права и государства, над которыми он много работал еще в начале 90-х годов XVIII в., Фихте воспринял идеи французских социалистов-утопистов XVIII в. и опыт якобинской диктатуры в области экономической политики, а позднее также мысли Бабефа и бабувистов, высказанные ими на процессе. Этот процесс мог, несомненно, послужить для него толчком для написания «Замкнутого торгового государства».

Конечно, мы не должны забывать, что исходная позиция Фихте была идеалистической. Как идеалист он выводил «деятельность во вне» из требований разума и морали. Разум, по Фихте, помогает прервать этот неразумный и случайный порядок вещей, столь жестокий по отношению к большинству людей, и сделать прыжок в царство свободы и разумных отношений. Этот прыжок вызван не необходимым ходом событий в сфере общественных отношений, а решением разума перескочить из мира случайного в мир свободы. Нельзя забывать и того, что, живя в условиях неразвитых буржуазных отношений Германии конца XVIII в., Фихте не видел путей развития буржуазного общества и находился в плену некоторых старых немецких представлений, присущих цеховому строю, которых не могло быть у Бабефа.

Важно однако подчеркнуть, что в своем трактате «Замкнутое торговое государство» Фихте показал, во-первых, что «деятельность во вне» протекает в реальной действительности, где действуют материальные условия существования, и во-вторых, что государство должно быть устроено так, чтобы все человечество жило истинно по-человечески, легко и свободно.

«Замкнутое торговое государство», написанное после процесса Бабефа, следует рассматривать как замечательный памятник немецкой передовой социальной мысли конца XVIII в. Это была первая попытка дать острую критику существовавших тогда социальных отношений и представить в систематической форме картину будущего государства, построенного в интересах обездоленных масс на основе организованного труда.